18+

Неренас Косадес

Невыносимо в раю



Неренас Косадес

Невыносимо в раю

«Издательские решения»

Косадес Н.

Невыносимо в раю / Н. Косадес — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Творчество Неренаса Косадеса — это поэзия для тех, кто не боится смотреть в лицо бездне. Он не предлагает утешения или готовых ответов. Его стихи — это честное свидетельство о мире как о больном организме, где человек обречён на одиночество и борьбу с энтропией. Это холодный душ для тех, кто привык к поэтическим иллюзиям.

© Косадес Н.
© Издательские решения

Содержание

Нарисованное лицо 6
Планета дураков 8
Муха в тумане 10
Правильное воспитание 12
Инстинкт отторжения 14
Спрячьте меня под обоями 16
Бродяга и вошь 18
Тёмная сторона 20
Одноглазая поэзия 21
Невыносимый рай 23
Автоответчик в небесах 25
Сонный паралич 27
Человек, забывший человечье 29
Хранитель памяти 31
Игра в шахматы с Дьяволом 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Невыносимо в раю

Неренас Косадес

© Неренас Косадес, 2026

ISBN 978-5-0071-5542-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нарисованное лицо

На холст нанесены черты лица.
Их взгляд застыл в холодной пустоте.
Закрыто в раме, в плену кольца,
И нет тепла в привычной суете.

Уставилось сквозь мутное стекло.
Но мир не видит, спрятанный в тени.
Ему дышать и больно, и светло,
А мимо молча пролетают дни.

Лишь знает цену каждому мазку,
Что кисть оставила на полотне.
Причастное к людскому языку,
Но вот молчит в звенящей тишине.

Никто не спросит, как ему сейчас,
Никто руки не тронет за чертой.
Оно — лишь цвет, застывший напоказ,
Замерзший в вечной маске ледяной.

Распятое в созвездии картин,
Среди других, таких же, как оно.
Всегда одна, и вечно он один,
В свой мир безмолвный здесь погружено.

В его зрачках не отразится свет,
Ни лампы блеск, ни солнечный восход.
На все вопросы появляется ответ:
Есть лишь мираж, иллюзия, есть сон.

И ждет, когда осыплется пастель,
Когда холста расклеится основа,
Чтоб прекратить бессмысленную цель —
Изображать живое снова. Снова.

Но мастер спит, и мастер видит сны,
Где оживают краски на мольберте.
А тот, кто заперт в рамках белизны,

Застыл навек в своем бессмертье.

И в этом сне, в искусственной крови,
Где нет ни слез, ни боли, ни участья,
Лицо дарует людям свет любви,
Не сознавая тихого несчастья.

А будет жить, пока не рухнет холст,
Смотреть в окно на суету прохожих.
Не покидая самый страшный пост —
Быть лишь лицом, на правду непохожим.

Планета дураков

Средь звезд холодных, в черной пустоте,
Где вечный мрак и Млечный Путь,
Вращается в безмолвной немоте
Планета, где царит одна лишь дурь.

Там мудрость почитают за изъян,
А умный хуже злейшего врага.
Там истиной объявлен был обман,
И в споре побеждает лишь пурга.

Там правит бал невежества толпа,
Сжигая книги в яростном огне.
Их логика тупа. Слепа.
А истина покоится на дне.

Там каждый мнит, что он — венец творенья,
Хоть мыслить не привык и не умел.
Там в глупости находят вдохновенье,
И каждый в ней безмерно преуспел.

Придуман бог — невежества гранит,
Базар, где крик и суета.
Там разум, словно еретик. Горит.
И славится пустая голова.

Они куют мечи из чепухи,
С трибун высоких произносят бред.
Их доводы наивны и лихи,
Но в их глазах сомнений вовсе нет.

И если вдруг на этот странный шар
Слетит мудрец из Млечного Пути,
Устроит там неистовый пожар
Толпа, чтоб путь к прозренью не найти.

Смеются луны с дальних тех орбит,
Смотря на этот бесконечный фарс.
Там каждый правду в зеркале кривит,

Не поднимая свой потухший глаз.

Летят века, но не меняется уклад,
Вращается дурацкая планета.
И нет пути давно уже назад
И нет научного обоснования рассвета.

Муха в тумане

Сквозь плотный саван утренних паров,
Где вязнет свет и глохнет каждый звук,
Среди понурых, скомканных миров
Она летит, не размыкая круг.

Ей кажется, что крылья бьют легко,
Что путь вперед надежен и высок,
Но в белом молоке недалеко
Ударит в лоб невидимый шлепок.

Здесь нет ни дня, ни ночи, ни зари,
Лишь холод, облепивший пеленой.
Снаружи где-то светят фонари,
Но мир за этой ватой нежилой.

Она летит в пространстве без границ,
Не помня, где оставила окно.
Средь тусклых, безразличных верениц
Ей быть в тумане вечно суждено.

И в этом сне невидимом снаружи,
Где каждый вдох — напрасная борьба,
Смыкается в петлю пространство туже,
И в пустоте недвижима судьба.

Она летит, не зная, почему
Ей суждено осилить этот путь,
Навстречу не огню. Глотая мглу,
Чтоб в белой тишине навеки утонуть.

Ей мнится сад, цветение и тень,
Где сладкий сок и теплый перегной.
Но за спиной остался зыбкий день,
Лишь холод, притворившийся весной.

Ни эха нет на взмах ее крыла,
Ни отклика на этот жалкий зуд.
Вселенная тумана замерла,

И боги в ней давно уже не ждут.

Когда иссякнет в теле слабый яд,
И лапки сложит тягостная плоть,
Ее в молочном сумраке съедят
Лишь сырость, равнодушье и Господь.

И стихнет все. Туман укроет след.
Никто не вспомнит о ее борьбе.
Как будто мухи не было и нет
В глухой, самодостаточной судьбе.

Правильное воспитание

Вот чистый дух, не знающий порока,
Заходит в своды гулкие наук.
Но там, где реки не глубокие,
Вдруг очерствел ребячий звук.

Система рубит всех единой мерой,
Здесь сострадань — призрак и изъян.
Он стал шкалой для всех примерной,
Пророком на планете обезьян.

Среда диктует жесткие законы,
И выживает тот, кто явно злей.
Стирает время добрые каноны
С наивных и распахнутых детей.

«Успех любой ценою» — главный тезис,
Что вбит в умы родительской рукой.
В нем глохнет совести последний кризис,
Сменяясь ледяною тишиной.

Он видит в друге лишь ресурс и средство,
В чужом провале — выгоду и шанс.
Так прививают людоедство,
Вводя в привычный жизненный баланс.

Он учится расчетливой осанке,
Пустым глазам, спркойным жестам.
В его душе, подверженной огранке,
Нет больше места искренним протестам.

Он впитан социумом, как губка,
Приняв его безликие черты.
Его улыбка — неоновая трубка,
В ней нет тепла, в ней нет былой мечты.

Он — функция, отлаженная схема,
Продукт среды, где правит капитал.
В нем выжжена гуманности дилемма,

Он лишь звено в системе, что создал.

Идет сквозь мир, уверенный и гладкий,
Не человек, но выверенный код.
Итог системы, правильный и краткий:
Зверь, вписанный в общественный подход.

Инстинкт отторжения

Когда в крови распятый на кресте
Пророк вещает истину чужими ртами,
В слепой своей и праведной мечте
Невежество склоняет головы веками.

Им нужен корм, масштаб и гул толпы,
И жертва, что оплачена стократно.
А на столе, средь мертвой скорлупы,
Застыл узор, приколотый опрятно.

Там бабочка распята на игле,
Ее пыльца осыпалась на скатерть.
Она мертва на письменном столе,
Чтоб чей-то труд смог в книге фолиантить.

Но зритель, возводя глаза горЕ,
Рыдает над библейскою картиной.
Он ищет свет в пылающем костре,
Не тронутый безмолвною рутиной.

Инстинкты в деле, правят бал:
Огромный миф не причиняет боли.
Он для души — спасительный причал,
Где каждый волен плакать. Иль не волен.

А этот слом, что можно осязать,
Где мертвый ус касается ладони,
Заставит мозг в испуге отказать,
Закрыть все двери на балконе.

Там — драма, кровь, прощение и грех,
Сюжет, что в поколеньях повторится.
Здесь — жизнь, прервавшая свой бег,
Чтоб на булавке закрепиться.

Мы любим тех, кто проклят на виду,
Кто принял казнь под взглядами столетий.
Мы видим в них всеобщую беду,

Себя самих в их неземном портрете.

А малый мир, убитый в пустоте
Без пафоса, без ангельского хора,
Лежит в сухой и мертвой красоте
Вне нашего прямого кругозора.

Спрячьте меня под обоями

Спрячьте меня под обоями,
В трещине старой стены.
Спрячьте от мира с войнами,
Дайте хоть час тишины.

В пыльную, душную темень,
Где не достанет сквозняк.
Я бы укрылся со всеми,
С теми, кто чувствует мрак.

Там, где клопы и пылинки,
Пахнет столетний клей,
Стынут в тенях фотоснимки
Прошлых, счастливых людей.

Там, за цветочным узором,
В мире без окон и дней,
Спрячьте меня перед взором
Жадных до боли огней.

Спрячьте от громкого смеха,
От осуждающих глаз,
Спрячьте от гулкого эха
Слов, что убили не раз.

Спрячьте от правды вчерашней,
От обещаний пустых,
Спрячьте от боли всегдашней
И от взглядов сухих.

Спрячьте меня под обоями,
В самый глухой уголок.
Я бы лежал сам с собою,
Слушая мерный щелчок

Капель из ржавого крана,
Шорох мышиный в углу…
Спрячьте от вечного гама

Города на гладком полу.

Спрячьте меня под обоями,
В сумерки, в дрёму, во тьму,
Чтобы не встретиться с воем,
Что подступает к виску.

Бродяга и вошь

В лохмотьях, в струпьях и грязи
Где ветер воет, как в бреду,
Бродяга дремлет на листве
Канавы в городском саду.

Сквозит в прорехах рвань-тряпье,
В кармане — тишь и чернота.
Он — безымянное гнильё,
Для всех прохожих — пустота

И в этой брошенной душе,
Где только холод, гной и страх,
На самом дне, на рубеже,
Живет подруга в волосах.

Она не знает про мораль,
Про стыд, про веру, про тюрьму.
Ей кожи высохшей не жаль,
Она покорна лишь ему.

Она — единственный и кровный,
Кто делит с ним и хлеб, и быт.
Ее закон — инстинкт греховный,
Она не бросит, не сбежит.

Он чешет темя пятерней,
Сгоняя в кучу эту рать.
Вошь под мозолистой рукой
Спешит от гибели удрать.

«Живи, сестрица, — шепчет он, —
Твой век, как мой, на волоске.
Мы оба выброшены вон
На этом вечном сквозняке.

Тебе — мой пепел, мой позор,
Моя щетина, мой лишай.
А мне — твой крошечный укол,

Мне для тебя еды не жаль.

Кусай, родная, веселей,
Пей кровь, пока она тепла.
В грязи немытых площадей
Ты мне единственно мила.

Когда за мной придут в ночи,
Чтоб в добрый дом упечь силком,
Ты по обочине мочи
Уйдешь к другому босиком».

Тёмная сторона

Когда добро, надев стальные латы,
Выходит в мир спасать и защищать,
Оно сжигает за собой закаты,
Чтоб право на прощенье доказать.

Оно крушит, чтоб выстроить иное,
Сметает судьбы, рушит города.
В его глазах — прозренье ледяное,
А в кулаке — карающий удар.

Оно не слышит плача за стеною,
Ему не важен сломанный росток.
Оправданы великою мечтою
Свинца и стали праведный поток.

Оно клеймит, сжигает на кострищах,
Сечет мечом, не ведая вины.
В его святых, сияющих ручищах
Сокрыты бездны, полные войны.

Оно не терпит полутени серой,
Ему милей слепящий, мертвый свет.
И, осенив себя высокой верой,
Оно творит из пепла новый бред.

И вот, когда повержен враг извечный,
И мир лежит у праведных колен,
Добро стоит, пустое, бессердечное,
Закрыв глаза на праведность измен.

Оно глядит на выжженное поле,
Где больше нет ни правых, ни чужих,
Не понимая в море боли —
Оно страшнее всех врагов былых.

Одноглазая поэзия

Когда-то зренье было в два окна:
Одним он видел свет и благодати,
Другим — где прорастает Сатана,
Где брат на брата точит нож во злате.

Но вытек глаз, что впитывал порок,
Ослеп на мир, где царствует увечье.
И видеть зла поэт уже не смог,
Утратив с тьмой обличье человечье.

Теперь он смотрит в чистую лазурь,
Не замечая крови и проказы.
Он слеп к изнанке человечьих бурь,
К слезам, закрытыми экстазом.

Он бродит меж сияющих полян,
Где нет теней, а значит, нет и боли.
И этот сказочный самообман
Стал точкой творческой неволи.

Ведь чтобы протянуть спасенья руку,
Чтоб исцелить, спасти из пасти гроба,
Нужны глаза, что видят гной и муку,
А не одну мурчащую утробу.

Он стал похож на ласковый рассвет,
На теплый дождь, на тишину в июне.
В его природе яда больше нет,
Он светел, пуст и абсолютно юный.

А люди ждут спасительных стихов,
Кричат во тьму, протягивая руки.
Но он не слышит их предсмертный зов,
В объятьях безупречной скуки.

Он просто слеп. В нем нет ни капли зла,
Чтоб отказать собаке оголтелой.
Сгорела та ячейка, что могла

Мирить его с изнанкой жизни белой.

И потому он людям не грозит,
Но и не лечит их земную рану.
Слепой на боль, он в пустоту глядит,
Подобно безмятежному туману.

Невыносимый рай

Здесь птицы не поют, а держат ноту,
Чтоб не нарушить вечный камертон.
Здесь каждый день одна суббота,
И отдых возведен в закон.

Сады в цвету, но не меняют платья,
И плод любой доступен и знаком.
Здесь нет причин для страха и проклятья,
А воздух, словно сварен дураком.

Я знаю всё. Я выучил закаты,
Их розовый, пронзительный изгиб.
Я помню, как цвело здесь всё когда-то,
И этот миг в сознанье не погиб,

Но повторился тысячу столетий,
Не изменив ни линию, ни цвет.
Я — пленник самых радостных на свете,
Бессмертных, но бессмысленных бесед.

Я пробовал считать лучи на листьях,
И слушать пульс в медовом янтаре.
Но нет тоски, нет боли в этих письмах,
Что пишет вечность на глухой заре.

Я был бы рад грозе, хотя б немного,
Чтоб треснул свод из синего стекла.
Чтоб молния, посланница тревоги,
Слепящий гнев на это небо прислала.

Но грома нет. И молнии не надо.
Лишь ангел мой, хранитель мой и страж,
Сидит в тени оливкового сада
И чертит прутиком вираж.

Мы с ним молчим. О чем нам говорить здесь,
Когда финал известен наперед?
Рай стал невыносимым местом,

Где даже скука вечностью течет.

Я у хранителя прошу: «Дружище,
Сотри меня из этих райских врат.
Отправь меня в геенну, прям под крышку,
Где черти хоть о чем-то говорят.

Где есть огонь, где есть хоть капля страсти,
Где грешник стонет, проклиная век.
Я сыт по горло этим вечным счастьем,
Я хоть и мертвый, но всё же человек.

Мне дайте боль, мне дайте искушенье,
Верните мне земную круговерть.
Пошлите вниз, в кипящее горенье,
Чтоб хоть на миг почувствовать мне смерть».

Автоответчик в небесах

Знакомый номер снова набирая,
Она ведёт гудков привычно счёт.
Вот только ей никто не отвечает
И голос механический поёт:

«Привет. Вы позвонили в поднебесье
Наш офис в данный час не обитаем.
Послушайте, нас ожидая, песню
Мольбам и просьбам больше не внимаем.

Начальник вышел. Может быть в запой,
А может просто взял отгул на вечность.
Он утомился руководить толпой
И позабыл про вашу человечность.

Архангелы ушли играть в бильярд,
Святые дремлют, позабыв о бденье.
Для ваших просьб небесный авангард
Закрыл свое святое заведенье.

Для жалоб на погоду и судьбу,
На тусклый свет и на плохие вести —
Прослушайте короткую мольбу
В понятном и простом контексте.

Мы знаем, вы хотели перемен,
Искали знак, просили о защите.
Но у творца случился феномен —
Он взял отгул. Вы больше не звоните.

Он отключил свой огненный планшет,
Сложил ладони и прикрыл глазницы.
Для новых просьб на сервере запрет
Свободной всемогущей единицы

Перезвоните. Может быть, в четверг,
Когда замкнется круг тысячелетий,
Мы снизойдем. А может, этот век

Пройдет без нас в ловушке междометий».

Короткие гудки. И снова тишина.
Лишь звездный свет на землю смотрит слепо.
У мирозданья новая цена:
Автоответчик. И в запасе — вечность.

Сонный паралич

Межь явью и дремотой в серый час,
Когда часы свой ход ведут впустую,
Рассудок твой, не открывая глаз,
Вступает в полночь. В бездну ледяную.

Ты здесь. Ты в комнате. Но заперт и распят
На простыне, что стала тверже стали.
Глаза открыть и встретить взгляд
Того, чьё имя в книгах не писали.

Оно сидит на высохшей груди.
Нельзя ни выдохнуть, ни крикнуть.
И некуда тебе от этого уйти,
А тяжесть не объять, не сдвинуть.

Оно не смотрит. У него нет глаз,
Лишь впадины в расплывчатом обличье.
Оно пришло в полночный, мертвый час,
Чтоб насладиться страхом безграничным.

Чуть слышен скрип. Почувствуешь спиной,
Как тени по стене ползут, живые.
Они пришли поговорить с тобой,
Но их слова — безмолвные, немые.

И в этот миг, на лезвии ножа
Меж бытием и пропастью распада,
Ты понимаешь: нету рубежа.
И пробужденья — нет. И нет пощады.

Пружины воют в старенькой кровати,
Как ребра сломанной коробки.
Ты пойман здесь между восходом и закатом,
Как бабочка, распятая на кнопке.

И в этой пытке, в ледяном бреду,
Где разум бьется в черепе, как птица,
Ты понимаешь: ты уже в аду,

И эта бездна без конца продлится.

Но вот щелчок. Как будто треснул лед.
Сорвался страх, невидимый, но плотный.
Вдох режет грудь, и кровь опять течет
По венам, прежде скованным, свободно.

Рассвет ползет сквозь шторы, тускл и ал.
Ты выжил вновь. Но в этом пробужденьи
Ты часть себя навеки потерял
В том ледяном, безликом измереньи.

Человек, забывший человечье

Он позабыл, что значит быть скупым,
И зависть не тревожит больше душу.
Он стал для низких помыслов слепым,
Переступил и стал для всех чуть хуже.

В нем не горит тщеславия пожар,
И лесть не ищет влажного прохода.
Он принял от судьбы бесценный дар —
Свободу от проклятия людского рода.

Он не плетет интриги за спиной,
Не носит камень в бархате улыбки.
Он примирился с этой тишиной,
Где всё прощать нет и попытки.

Он позабыл вкус яда на устах,
Которым глушат правду в разговоре.
В его больших, невинных, как у птах,
Глазах не плещется чужое горе.

Он не делил на «наших» и «чужих»,
Не строил дорогие храмы на обмане.
В своих карманах рваных и пустых
Не прятал кровь на жертвенном кургане.

Он чист, как зверь, не знающий греха,
Как древний камень у речной излуки.
Его душа прозрачна и тиха,
В ней нет ни гнева, ни испуга.

И люди, глядя в эти ясные глаза,
Где нет ни дна, ни мутного осадка,
Шептали в страхе: «В нем живет гроза.
Его улыбка нам не безопасна».

Он позабыл, что значит — ненавидеть,
И в этом стал чудовищно чужим.
Забыть в другом врага увидеть,

Став в этом мире попросту слепым.

Хранитель памяти

В пыли библиотечных переплетов,
Где корешки изъел столетний клей,
Среди давно написанных отчетов
И выцветших, истлевших новостей,

Живет не червь, не книжная мокрица,
Не таракан, забывший свет и страх.
Там дремлет мотылек, чья жизнь теплится
В прозрачно-золотых сухих крылах.

Он помнит небо цвета малахита,
Когда был мир совсем другим.
Земля была туманами повита,
А воздух — едким запахом хвои.

Он видел, как сквозь папоротник древний,
Сминая мох, рыча на целый свет,
Протопал ящер, грузно и победно,
Оставив в глине свой трехпалый след.

Он знал, как пахнут первые бутоны,
Пробившие кору седых стволов,
И слышал стон, когда из небосклона
Упал огонь, испепеливший кровь.

Он пережил и лед, и жар, и воду,
Сменил сто форм, сто видов и пород.
Он пил росу в счастливую погоду
И прятался от бурь в чужой живот.

Теперь он стар. Его пыльца — лишь пудра
Из перетертой в прах седой луны.
Он дремлет в книге в ожидании утра,
Смотря забытые цветные сны.

Но иногда, очнувшись от дремоты,
Когда в ночи стихает гул машин,
Он бьет крылом по книжным разворотам

Забытых, неизведанных вершин.

Игра в шахматы с Дьяволом

Сгустился мрак в покоях у камина,
Сквозняк метнулся и внутри сгорел.
Явился дьявол поступью незримой
И стул дубовый тихо заскрипел.

Он сел за стол, поправив плащ багряный,
На стол легли ухоженные руки.
«Я слышал, смертный, ты игрок упрямый.
Сыграем в шахматы, развеем скуку?»

«Изволь», — кивнул я, отодвинув книги,
Смахнув ладонью пыль с резных фигур.
«Но наши ставки, вестник Высшей лиги,
Пойдут немного дальше, чем триумф.

Не душу, гость. Она тебе обуза,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.